

В ДЕТСКИХ журналах нередко печатаются рисунки, на которых юным читателям предлагается найти «аномалии», то есть отступления от истины. Скажем, изображена сцена из Троянской войны, а у воинов есть и автоматы, и бинокли, и транзисторы, и над башнями крепости вьется самолет. Поиски «аномалий» развивают у детей внимание.

Если бы потребовалось составить список всех подобного рода «аномалий», которые ввел в свою постановку трагедии Шекспира «Антоний и Клеопатра» французский режиссер Роже Планшон, руководитель Национального народного театра Франции, гостящего сейчас в Москве, то этот перечень превзошел бы по своему объему размеры нашего отклика на сам спектакль. Достаточно сказать, что война между триумвирами Марком Антонием и Октавием Цезарем осовременена в костюмах и декорациях настолько, что, кажется, на сцене воскресают эпизоды из битв и сражений, сотрясавших мир немногим более трех десятилетий назад. Что достигается таким режиссерским приемом? Оживает и наполняется современным смыслом шекспировская метафора, вложенная великим драматургом в уста Октавия, сестры Цезаря и жены Антония:

«...Рознь
Меж вами расколола б
мир на части
И трупам забила бы
провал».

Сцена из спектакля «Антоний и Клеопатра». Слева — Роже Планшон в роли Антония, справа — Андре Маркон в роли Цезаря.

В трактовке Роже Планшона спектакль можно было бы смело назвать «Антоний, Клеопатра и война». Исконная бесчеловечность войны, ее лицо в том ракурсе, который умел находить Грехт, вряд ли могут быть показаны достаточно осязаемо в ее отошедшем в далекое прошлое римском обличье. Римские военачальники то в «штатском», то в современ-

ГАСТРОЛИ
НАЦИОНАЛЬНОГО
НАРОДНОГО ТЕАТРА
ФРАНЦИИ

МАГНИТНЫЕ «АНОМАЛИИ» РОЖЕ ПЛАНШОНА

ной военной форме — поначалу это режет глаз, но когда сцена усеивается труппами обыкновенных легионеров — солдат, «забывающих провал», когда, пользуясь словами Маяковского, мы видим, «как безымянные на штурмах мёрли», — такое «насилие над историей» обретает вид необходимой и делает более осязаемой «историю насилия».

Роже Планшон считает с давних пор Брехта своим «названным отцом», и «аномалии», на которые он идет в своем спектакле, по-своему магнитны: они, как часто в театре Брехта, обостряют и притягивают внимание зрителей.

На фоне по-брехтовски поданной войны кипение страстей в шекспировской трагедии ничего не утрачивает, но порой обретает новое звучание. Смелость в трактовке си-

туаций органически связана с тем, что в сам текст трагедии не внесено ни малейших изменений.

Национальный народный театр показывает в Москве три спектакля: «Тартюф» Мольера, «Антоний и Клеопатра», «Перикл, царь Тирский» Шекспира. Все три вещи как бы прочтены по-новому. Эти новые прочтения отнюдь, разумеется, не являются единственно возможными, более того, в них встречаются и такие приемы, которые принято называть «спорными», но в них есть верность принципам Жана Вилара, основателя ТНП.

В статье «Артист и поэты» Вилар писал: «Без дружеской помощи поэта мы бы видели вещи такими, как они есть. Я хочу сказать, что мы видели бы только кору, только оболочку. В действительности мы бы очень мало знали о мире, в котором живем».

Это желание представить истину без коры, без оболочек и заставляет иногда художника «плыть веков от хартий отряхнуть».

«Мобильность», которую мы видим на сцене, стала и характерной чертой жизни всего Национального народного театра с приходом Роже Планшона к его руководству в 1972 году. Театр перестал быть лишь парижским, сейчас его постоянное местопребывание в Виллербане, промышленном городе-спутнике Лиона. Стремления охватить как можно больше число зрителей привело к тому, что в пяти минувших сезонах ТНП дал спектакли более чем в 20 городах.

Ближайшая премьера, с которой театральный коллектив выступит во Франции, — «Бесплодные усилия любви» Шекспира. Этот завершающий шекспировский цикл спектакль должен, по словам Роже Планшона, создать духовный портрет человека, «который постепенно, от испытания к испытанию постигает смысл и цель своего бытия».

Н. РАЗГОВОРОВ